

АНАСТАСИЯ ТОМАШЕВСКАЯ, ЕКАТЕРИНА ХАН*

ВТОРЫЕ БИВИХИНСКИЕ ЧТЕНИЯ: РЕФЛЕКСИЯ О СОБЫТИИ**

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-267-280.

В международной научной конференции «Вторые Бибихинские чтения», организованной Институтом философии РАН и Школой философии и культурологии НИУ ВШЭ, проходившей в г. Бежецке (Тверская область) 10–12 декабря 2020 года, приняли участие многие замечательные философы, историки, поэты и переводчики — друзья, ученики и исследователи интеллектуального наследия Владимира Вениаминовича Бибихина. Мемориальные чтения проходили в Бежецкой центральной районной библиотеке, и в этом году помимо пленарных докладов и основных секций в рамках конференции также была представлена обширная секция студентов и аспирантов и состоялась презентация двух книг: *Bibichin V. Der andere Anfang / hrsg. und mit einer Einl. vers. von A. Michajlovskij ; aus dem Russischen übers. von V. Ammer.* — Berlin : Matthes & Seitz Verlag, 2020. и М. Хайдеггер : pro et contra / под ред. Ю. М. Романенко, А. Б. Коначевой, А. Б. Паткуль. — СПб. : РХГА, 2020. В презентации приняли участие Кристина Штёкль (Stoeckl) и Ю. М. Романенко.

В нижеизложенном тексте мы попытаемся предложить обзор докладов, прозвучавших на конференции, а также обозначить ключевые темы и вопросы, ставшие предметом дискуссии и представляющие интерес

*Томашевская Анастасия Александровна, студентка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), aatomashevskaya@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1100-0308; Хан Екатерина Иннокентьевна, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва); ассистент Российского университета дружбы народов (Москва), katerina.inno@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2606-1050.

** © Томашевская, А. А.; Хан, Е. И. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

для дальнейших исследований. Описание событий предложено в хронологическом порядке, что следует из названий разделов. Однако прежде хотелось бы сделать несколько важных ремарок.

Чтения памяти мыслителя — дело трудное. Ведь речь идет не просто о том, чтобы вспомнить, почтить, зачитать вслух — важно вспомнить, как звучит и отзывается мысль. Самое почтительное чтение — не почтение к автору, но вдумчивое прочтение того, что он оставил. И те, кто чтят *по памяти*, и те, кто могут помнить *лишь прочитанное*, понимают, собравшись вместе, что кое-что мыслитель унес с собой, унес безвозвратно. И с этой тайной нам остается быть.

Вторые Бибахинские чтения были трудными — тем более что речь зашла не только о памяти Владимира Вениаминовича Бибахина, но и о памяти Сергея Сергеевича Хоружего, еще год назад выступавшего на Первых Бибахинских чтениях... Памятуя о том, сколь скоротечна жизнь и сколь небольшое в ней зависит от наших желаний и чаяний, мы сочли небесмысленным начать с того, что некоторые ценные размышления так и остались *невывказанными*. Так, например, с докладом о языке философии Бибахина не смог выступить К. А. Павлов-Пинус, хотя в немалой степени само проведение конференции в Бежецке состоялось благодаря его усилиям; не случилось и еще двух докладов (А. В. Резниченко и А. А. Савинова); многие участники вынуждены были присутствовать и выступать в дистанционной форме — и крайне не хотелось бы вычеркнуть все эти факты как просто несостоявшиеся. Памятные чтения все-таки сопряжены с явственным *ощущением отсуствия*; едва ли было бы правильным представлять их беспмятными. В предлагаемом далее обзоре мы постараемся лаконично передать реминисценцию всех прозвучавших размышлений и воспоминаний о двух замечательных авторах, философах и переводчиках.

Стоит также отметить, что в 2020 году как никогда было заметно отсутствие живой публики. В силу эпидемиологической обстановки физическое присутствие на мероприятии кого-либо помимо самих участников конференции и сотрудников Бежецкой библиотеки представлялось весьма затруднительным; единственным исключением была Светлана Николаевна Лобанова, замечательный представитель Бежецкого краеведческого общества. В этом же 2020 году, пожалуй, впервые в истории стало нормой проведение научных и философских конференций в онлайн-формате. Вторые Бибахинские чтения в этом плане стали приятным исключением: здесь сочетались живое участие и онлайн-формат.

Завершая вступительную часть, хотелось бы подчеркнуть, что, поскольку записи конференции находятся в открытом доступе на ютуб-канале Школы философии и культурологии, предлагаемый обзор не преследует цели пересказать все ключевые положения, прозвучавшие в представленных докладах. Мы надеемся, что данный обзор конференции позволит заинтересованным читателям сориентироваться в видеоматериалах конференции, а также хотя бы отчасти передаст интеллектуальную атмосферу события.

10 ДЕКАБРЯ 2020 ГОДА: ЗНАКОМСТВО С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ АТМОСФЕРОЙ ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ДИССИДЕНТСТВА

Открытие состоялось вечером первого дня, когда А. В. МИХАЙЛОВСКИЙ представил свой доклад «Владимир Бибахин и Сергей Хоружий в московской интеллектуальной среде 1970–1980-х годов». Доклад фактически состоял из двух частей. Первая часть — историческая реконструкция контекста научно-исследовательской и переводческой деятельности Бибахина и Хоружего, представлявшего собой весьма многоликую и неоднородную среду позднесоветского диссидентства. Речь также шла о специфическом интеллектуальном взаимодействии Бибахина и Хоружего: их расхождение во взглядах отнюдь не препятствовало их дружбе. Во второй части доклада был предложен текст русского перевода беседы с Сергеем Сергеевичем Хоружим, которая состоялась в Институте наук о человеке в Вене весной 2015 года при участии д-ра Кристины Штёкль (Иннсбрукский университет, Австрия). Особого внимания заслуживает специфическая история об авторстве текстов С. С. Хоружего в «Московском сборнике», который выходил под редакцией Леонида Бородина, а также любопытнейший комментарий С. С. Хоружего о рецепции русской религиозной философии.

Обозначенные уже в первый день темы — полемический диалог, авторство, связь религии и политики, проблема перевода и рецепции, язык и текст, истина и молчание в специфическом контексте исторического времени — так или иначе обсуждались в последующих докладах и дискуссиях. Чтобы разобраться с тем, как читать и понимать Бибахина, было предложено сопоставить его с другими авторами — С. С. Хоружим, А. А. Ахутиным, — с которыми он вел непосредственный диалог, и с переведенными им Хайдеггером и Витгенштейном; немаловажной в эвристическом плане оказывается и обнаруживаемая уже *post mortem* близость мотивов Бибахина с Данте, Розановым, Агамбенom и Рикёром.

11 ДЕКАБРЯ 2020 ГОДА, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
РАЗБОР ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ «ЛЕСОВ»

Пленарное заседание второго дня началось с доклада А. В. МАГУНА, который предложил сопоставить взгляды В. В. Библихина и Дж. Агамбена по вопросу аккламации и её эстетической формы — гимна. Сравнивая работы «Царство и Слава» и «Грамматика поэзии», А. В. Магун заметил, что авторы схожим образом выделяли гимн в качестве особенной и значимой человеческой практики дезактивации власти, однако Агамбен делал акцент скорее на негативной функции гимна (праздности, нейтрализации, выведения Бога из строя), в то время как для Библихина гимн прежде всего служил проявлением софии: таким образом, гимн эстетически утверждает предельное не мнимо, а подлинно. Отчасти указанный момент расхождения обусловлен различием в трактовке закона, несмотря на совпадение в критике выведения сущности Бога из строя (различения сущности и энергии) и дистанцировании от духа «тревожной меланхолии».

Что значит выстроить и проследить этот специфический вымышленный диалог между двумя весьма условными представителями (пост)католической и православной мысли — Агамбеном и Библихиным? Угадывать родство мотивов и видеть эвристический потенциал разногласия, не сглаживаемого «семейным сходством», — значит сделать шаг в сторону от историко-философской работы в пользу интригующего, ищущего и вольного понимания; последнее, кажется, было не чуждо самому Библихину. Конечно, подобное предприятие таит в себе риски; однако не менее рискованной кажется попытка разбора несущих конструкций и «лесов» философствования самого Библихина, предпринятая далее.

М. А. БОГАТОВ, представивший анализ герменевтических приемов В. В. Библихина в курсах «Энергия» и «История современной философии», указал на не самый простой, но едва ли не самый актуальный вопрос прагматического плана: как преподавать философию Библихина? Можно ли просто «медленно читать» его курсы и как избежать неверного истолкования? Каким мысленным приемам, демонстрируемым им самим, мы можем научиться и для чего? Поделившись собственным опытом разбора лекционных курсов «Лес» и «Энергия» со студентами, М. А. Богатов указал на четыре приёма, свойственных рассуждениям Библихина: это разбор смыслов и коннотаций не только понятий, но и слов естественного языка; столкновение крайних позиций, представляющее собой своего рода «диалектику» без снятия; герменевтический

круг интерпретаций; наконец, сложная композиция курсов, приводящая к «настоящей растерянности». Весьма ёмкую интерпретацию этих четырех приемов предложил А. В. Михайловский, заметив за ними четыре фигуры: Хайдеггера с его трактовкой языка как онтического, Сократа с его майевтикой, Гадамера и его метод герменевтического круга, а также неувлимый и яркий стиль философствования, напоминающий Розанова или Ницше. Такая интерпретация оправдана и с той точки зрения, что, как справедливо отмечал сам Богатов, Бибахину свойственно было вводить в какой-то момент фигуру мыслителя в качестве своего рода главного действующего лица: так, в определенное мгновение сам Бибахин будто бы растворяется во вслушивании в Аристотеля, Хайдеггера или Витгенштейна.

Здесь напрашивается параллель с этосом переводчика, если от перевода текста попытаться перейти к переводу самой философии — данная тема станет одной из важнейших на протяжении многих докладов. Однако здесь же возникает и угроза сведения мыслителя к набору его техник и приемов, что представляет его как некоторую машину мышления, которая в таком случае будто бы способна работать механически (вплоть до переноса в некоторую программу ИИ). Ответом на эту проблему стал доклад А. В. БАБАНОВА на тему «„Автоматическая нравственность“, или Почему в мысли В. В. Бибахина этика является продолжением онтологии». В центре внимания выступающего был вопрос о том, *как* мыслить своё, если исходить из идеи того, что нам привычно говорить и действовать автоматически, по привычке. Автомат — то самосущее, разворачивающееся само собой, независимо даже от внешнего воздействия; будем ли мы считать моральным того, кто действует правильно *автоматически* — не задумываясь, в силу уже бессознательной привычки? Свобода тогда оказывается свободой выбора и принятия этого своего.

Не будет ли такая мораль опасной вариацией на тему кантовской гетерономной этики, усовершенствованной забвением традиционной оппозиции «внешнее — внутреннее»? В этом вопросе, как и в вопросах двух последующих докладов (Д. А. ПАВЛОВОЙ и И. И. ПАВЛОВА), обнаружилась предположительно одна и та же парадоксальная структура: самодвижущееся автоматизма и неподвижность «амехании» — по сути, два лика одной и той же логики. За этой логикой легко заприметить прагматизм и немного труднее — пресловутую «банальность зла», оборачивающуюся *ужасными вещами*: «О свободном выборе мысли, занятий

теперь уже не могло быть речи» (*Бибихин В. В.* Другое начало. — СПб. : Наука, 2003. — (Слово о сущем ; 47): 171).

Дарья Павлова предложила рассмотреть «технику» у М. Хайдеггера и «энергию» у В. В. Бибихина в качестве гештальта эпохи. Соблазнение техникой и подчинение технике, различение техники и ее сущности, попытка недопущения вооружения и грабежа в результате инструментализации ради сохранения широты, свойственной природе. Проблема переплетения топического, метрического и органического приобретает у Бибихина и Хайдеггера несколько разные оттенки: техника у Хайдеггера скорее склонна «не преодолевать», быть онтическим отражением постова (*Gestell*), в то время как у Бибихина техника — скорее необходимая позитивная противоположность мысли. Как было отмечено, парадокс «техника — природа» здесь представляет альтернативную версию все того же логического парадокса «автомат — амехания», детальный разбор которого предложил в следующем докладе «Несмы якоже прочие человецы: парадокс амехании и другое философии» И. И. Павлов (НИУ ВШЭ).

Доклад Ильи Павлова был посвящен концепту амехании как центральному в философии Бибихина. Докладчик выявил проблему «парадокса амехании» в мысли философа: рассматривая философию как практику амехании *par excellence*, Бибихин легитимирует ее трактовку как метафизически привилегированного способа мышления, возвышающегося над другими. И. Павлов указал, что выход из парадокса амехании возможен в случае последовательного продумывания отношения философии к другим ей логикам, и предложил ряд перспектив для анализа возможных констелляций философской, политической и религиозной логик, нашедших свое развитие в последующих дискуссиях.

11 ДЕКАБРЯ 2020 ГОДА, ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЭТЮДЫ О БИБИХИНЕ:

РАССЛЫШАТЬ, ПОНЯТЬ, ПЕРЕВЕСТИ, УЗНАТЬ СЕБЯ

Студенческо-аспирантская секция конференции началась с доклада аспирантки Е. И. Хан (НИУ ВШЭ, Москва) на тему «Патина времени и пора тревоги: о настроении исторического времени». Обращение к лекционному курсу «Пора» и обнаруженное в нем отчетливое противопоставление механического времени вещей и исторического времени событий навело на параллель с исторической герменевтикой Поля Рикёра, также различавшего время вещей и время действий. Предложенная краткая экспозиция настроений эпохи как окрашенности времени

в цвете и ритме показалась интересной параллельной рецепцией хайдеггеровского различия *Historie* и *Geschichte*, сопряженной с чтением «Физики» Аристотеля, а также обращением к «Исповеди» Августина. Концепт «*патинны времени*» как оттенения вещей временем, представление их в качестве артефактов событий в свете присущей им собственной временности в данном случае позволяет преодолеть трансценденталистскую ловушку, в которую легко попасть феноменологу, ограничившему свое исследование исторических феноменов только лишь экспозицией настроения эпохи и её нарративной структуры. Предложенные Екатериной Хан параллели между трактовками исторического времени в герменевтике себя П. Рикёра и в «узнавании своего» у В. В. Бибихина вполне закономерно привели к вопросу о настоящем времени и присущем ему настроении (ибо все времена раскрываются именно в настоящем). Наряду с решениями Рикёра (рассуждавшего об исторической тревоге и перспективе надежды) и Бибихина (предлагавшего перспективу некоторого нового ренессанса), была предложена гипотеза осмысления настроения настоящего времени в атмосфере дома и домашнего, которая одновременно воплощает собой триумф технического и сохраняет поэтику крова и собственного места в мире. Справедливое замечание о том, что настроение времени теперь едва ли легко считываемо по наиболее популярным или признанным произведениям искусства, что наиболее «репрезентативные» из них могут и вовсе быть результатами деятельности «небелковых форм жизни», возможно, задает ту самую историческую «интригу» (термин П. Рикёра, используемый им в работе «Время и рассказ» для разъяснения сходства историографического описания и литературной фабулы), развитие которой нам еще только предстоит наблюдать.

Далее, аспирант К. А. МАРТЕМЬЯНОВ (НИУ ВШЭ, Москва) выступил с докладом на тему «В. В. Бибихин. Значение мира в практике самоузнавания». Докладчик сосредоточился на основных концептах лекционного курса «Мир», таких как «присутствие», «настроение», «сознание», «целый мир». Именно в присутствии Бибихин видел «первое» в человеке, тот фундамент, по отношению к которому остальные характеристики (осознанность, разумность и т. п.) уже вторичны. Концептом присутствия Бибихин преодолевает субъект-объектную парадигму, ибо конститутивной чертой присутствия является безусловная открытость всему (более того, присутствие представляется Бибихину конфигурацией самого мира). Поэтому узнавание себя в присутствии неизбежно означает узнавание себя в мире. Но каковы смысловые контуры

бибихинского слова «мир»? Чтобы описать тот мир, в котором только и можно узнать себя, Бибихин использовал эпитеты «целый», «спасенный», «преображенный». Кирилл Мартемьянов попытался указать на иудео-христианские корни «мира», а также на то, что узнать себя, по Бибихину, мы можем лишь в мире, который не знает закона смерти. Однако религиозная логика в случае Бибихина как бы ломается по пути, ибо его философия лишена эсхатологической устремленности. «Спасенный» мир уже упущен и невозвратим в своей цельности, он присутствует лишь в человеческом памятовании о его отсутствии. Человек, следовательно, узнает себя лишь в этой практике не-упущения уже упущенного мира как спасенного целого. «Хранить целый мир... это, может быть, и безумное, но единственное дело, оставшееся достойным человека» (*Бибихин В. В.* Мир. — СПб. : Наука, 2007а. — (Слово о сущем ; 77): 143).

Следующее выступление А. С. ЧАЛЬЦЕВОЙ, студентки магистратуры (НИУ ВШЭ, Москва), было посвящено теме «Понимание и не-понимание как акты и их взаимосвязь». В докладе были выделены две разновидности понимания: (1) понимание, означающее для понимающего главным образом возможность акта понимания как такового; (2) понимание, в центре которого находится раскрытие понятого содержания. По мнению Анны Чальцевой, эти два вида понимания обладают одинаковой ценностью (акт понимания не девальвируется в акт не-понимания постфактум в связи с ошибками в дальнейшей интерпретации содержания), но каждый из них приводит к разным практическим следствиям. В случае первого уменьшается вероятность «присвоения» содержания понимания: такое понимание скорее подтверждает существование мира, нежели мое существование; как следствие — большая внимательность способного-понимать к миру. А. Чальцева пришла к выводу, что проблему понимания разрешает не философия, а философствующий (или не-философствующий — ведь философия представляет собой одну из форм внимательности, а не внимательность как таковую). Философия может стать лишь эпизодом понимания, но само понимание — это дискретные акты внимательного отношения к миру, как он показывает себя в данный момент.

А. А. ТОМАШЕВСКАЯ, студентка бакалавриата (НИУ ВШЭ, Москва), прочла доклад на тему «Анализ концепции подлинности М. Хайдеггера через понятие собственности В. В. Бибихина». В первой части доклада была подробно воспроизведена концепция подлинной экзистенции

у раннего М. Хайдеггера: были описаны ключевые моменты экзистенциальной аналитики *Dasein*, неподлинный модус его экзистирования через экзистенциалы болтовни, любопытства и двусмысленности, а также возможность перехода *Dasein* в подлинность. Особенное внимание было уделено концепту смерти как возможности не быть и экзистенциалам совести и заботы, т. к. именно они играют решающую роль в том, чтобы *Dasein* смог начать экзистировать подлинно. Далее Анастасия Томашевская перешла к анализу понятия собственности, свободы и захвата у Бибихина. Как известно, хайдеггеровский неологизм *Eigentlichkeit* был переведен Бибихиным именно как «собственность», однако в исследовательской литературе закрепился перевод «подлинность». Бибихин выделяет два вида собственности: собственность юридическую и собственность как «собственно свое», проводя параллели между этим разделением и делением Хайдеггера на подлинный и неподлинный модусы экзистенции. А. Томашевская пришла к выводу, что неюридическое понимание собственности, понимание ее как своего, оказывается возможным через освоение вещи, делание ее самой собой, реализацию ее как она есть. Через этот процесс человек в том числе овладевает самим собой, как бы захватывает сам себя, свое «я», овладевает своим своим. Юридический же собственник не стремится по-настоящему освоить принадлежащую ему вещь, он не может сделать вещь тем, чем она на самом деле является.

В. Д. ЯРОВОВА, студентка магистратуры (НИУ ВШЭ, Москва), выступила с докладом на тему «В. Бибихин: о чем сказал Витгенштейн». В докладе приводятся некоторые сходства и различия двух начальных лекций о Витгенштейне В. В. Бибихина. Одна из лекций существует в печатном виде и относится к 1994 году, другая до сих пор существует в форме аудиозаписи и относится к позднему периоду преподавания Бибихина. Последний упомянутый лекционный курс был прочитан Бибихиным в 2002–2003 гг. В докладе Василины Яровой были представлены линии пересечения между философской мыслью Витгенштейна и Хайдеггера, Витгенштейна и Августина. Тема молчания, связываемая В. В. Бибихиным как с философской мыслью Витгенштейна, так и с самой его жизнью, представлена в развитии: показан переход от строгости молчания к предположению о том единственном, что, по мнению Бибихина, один лишь раз интимно о себе сказал Витгенштейн. Известное место из «Логико-философского трактата» о том, о чем «следует молчать»,

обнаружило тем самым важнейшее указание на понимание различия выразимого и невыразимого, о невозможности приватного языка и вопросу о том, как узнать своё.

Завершилась студенческо-аспирантская секция конференции докладом студента магистратуры М. Д. ГОЛУБОВА (НИУ ВШЭ, Москва) на тему «Проблема перевода в творчестве Владимира Библихина». Докладчик рассмотрел два подхода, или две техники перевода, которые Библихин анализирует вслед за Вальтером Беньямином. Последний ярко описывает эту дихотомию в «Задаче переводчика». Библихин пишет о различии между *hermeneia* — способе перевода внутри своего языка (внутри греческого), парафразе — и *transductio* — переводе на другой язык (с греческого на латынь). Все это подводит к самой главной предпосылке о (не)существовании всечеловеческого языка. Необычный характер истины Библихина связан с его пониманием философии, согласно которому сама философия неотделима от языка, а значит, и от перевода. Выражение «язык философии» звучит для русского философа как плеоназм.

12 ДЕКАБРЯ 2020 ГОДА. В. В. БИБИХИН И С. С. ХОРУЖИЙ:
ЭНЕРГИЯ ДРУЖБЫ И СВЕТ ПАМЯТИ

Завершающий день конференции изобиливал онлайн-докладами, что лишний раз напомнило о том, насколько удивительным оказывается возможность встречи в отсутствие непосредственного живого контакта и насколько большую роль играют слово и голос. О чем же шла речь?

Первый доклад второго пленарного заседания был прочтен Ю. М. РОМАНЕНКО (Институт философии РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург). Тема доклада звучала следующим образом: «В. В. Библихин и С. С. Хоружий: дружба в поединке». Библихин и Хоружий — гении в широком смысле этого слова. А гении, как известно, ходят по одиночке, поэтому дружба между ними представляется оксюмороном. Дружба Библихина и Хоружего не была обычной, это была дружба в поединке — не в смысле спарринга, а в наиболее широком смысле этого слова. Поединок в отношениях Библихина и Хоружего был способом объединения через борьбу. Но чтобы лучше понять характер дружбы двух гениев, характер их поединка, необходимо разобраться, что означают эти понятия. Для ответа на этот вопрос докладчик берет за основу религиозно-философский подход к дружбе Флоренского. Дружба для последнего была онтологическим отношением, которое непосредственно связано с истиной. Флоренский говорил, что друзья являются некой общиной

молекулой, которая должна выдержать испытание враждой, ненавистью, поединком, ревностью. Такой была дружба Биbihина и Хоружего, мыслителей, которые, несомненно, были хорошо знакомы с воззрениями Флоренского. Хоружий критически относился к позиции Биbihина по многим философским и богословским вопросам. Оба они жестко критиковали друг друга и остро полемизировали. Но чем острее была эта полемика, тем крепче была дружба. В завершение Ю. М. Романенко вспоминает аналитику дружбы Флоренского, который подчеркивал, что христианские апостолы посылали спасителей нести благовест попарно. Апостольская миссия могла осуществляться только в дружбе, т. к. только так давалась власть над бесами; друзья же могут одолеть бесов, только если преодолеют ненависть в совместных отношениях. Биbihин и Хоружий были такими друзьями, такой парой, призванной нести решение философско-богословской проблемы энергии.

Следующий доклад был прочитан О. Д. АГАПОВЫМ (кафедра философии КИУ им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), Казань). Тема доклада была обозначена как «Время человеческого бытия в творчестве Владимира Биbihина и Сергея Хоружего». В обширном творчестве Биbihина нет специально создаваемой антропологической концепции, которая, однако, просматривается за всеми его философскими линиями. Биbihин понимал бытие человека как постоянный срыв, немощь и упадок. Время человеческой жизни раскрывается Биbihиным как время нужды, которая заслоняет нужду знать само существо нужды. Человек с необходимостью должен различать подлинно нужное и ненужное, иначе он не сможет понять мир как целое. Сила ненужности создает различие между плотским миром посредственности и жаждой к полноте. Если человек не почувствует собственную пустоту, то не сможет открыть богатство мира. Но власть плотского мира хрупка. Человек способен к открытию бытия, постановке вопроса о смысле и ценности, переводу внимания с плотского на подлинное. Человек должен открыть в возможности быть возможность не быть. Подлинное бытие начинается с решимости осмыслить ужас смерти. Ситуацию трансценденции перед лицом смерти Биbihин называет сдвигом, который создает просвет в жизни человека, где начинается искусство человеческого бытия, в основе которого находится отстояние от неподлинного, требующее решимости. О. Д. Агапов также обозначает ряд общих тем в мысли В. В. Биbihина и С. С. Хоружего: они занимались проблемой развития «синергической антропологии». Также оба автора уделяли особое внимание рассмотрению духовных практик, критике традиционализма

схоластической формы, неопатристическому синтезу и восстановлению истории российской духовной традиции.

Как отмечает О. Д. Агапов, последние 10 лет С. С. Хоружий работал над антропологическим анализом тоталитарного общества, становление которого можно описать через практики редукции личности, архаизации и насильственной синергии. Современный человек постсоветского прошлого не способен к историческому творчеству, т. к. хранит в себе ожог тоталитарного общества. Такой общественный строй имеет следствием пигмеизацию, замещает онтологическое онтическим, поддерживает господство узкого традиционализма, а также косность и бюрократию. Завершается доклад мыслью о том, что Библихина и Хоружего объединяют темы нахождения практик реабилитации и выхода из конфигурации насильственной синергии, а также обращение к духовным практикам для создания понимания человека как сложного существа. Тематика духовных практик должна не только носить историко-философский характер, но и активно применяться в политической философии, в философии становления личности.

А. В. АХУТИН (Киев) выступил с докладом на тему «Энергия у В. В. Библихина и С. С. Хоружего». «В сущности брату, в энергии — оппоненту», — написано в подаренной Хоружим Библихину книге о синергии. Их дружба, несомненно, раскрывалась через противоборство. Поле для битвы Хоружего и Библихина — понятие энергии и само ее существование. По словам А. В. Ахутин, решительный переворот в классической метафизической философии состоит в том, что на место субстанционалистской метафизики ставится энергийная онтология. Это значит, что там, где классическая метафизика видела субстанциальные формы, энергийная онтология видит конфигурацию энергии, энергоформы или события. Энергийная онтология сама по себе подвижна и изменчива, в чем уже парадоксальна, т. к. обычно в онтологии мыслится устойчивое бытие.

Для истолкования пространства энергийной онтологии А. В. Ахутин приводит и разбирает четыре тезиса Аристотеля. Первый тезис: *все люди природой своей стремятся видеть*. Для интерпретации этого тезиса докладчик обращается к понятию «разомкнутость» М. Хайдеггера, в котором состоит природа человека. Но к чему эта разомкнутость? Второй тезис: *душа человека некоторым образом есть всё*. Важно, что душа по Аристотелю — не что-то внутреннее, а мир, в котором присутствует душевное существо. Этот мир заставляет существо двигаться, исполнять что-либо для осуществления своей природы. Это подчеркивает другой

момент в самом бытии природы энергии — синергийность. Энергия появляется в человеке из понимания того, что мы должны исполнить. Переживание требования исполнить — единственный источник энергии человека. Кто нам предъявляет требование? Ответ прост и сложен одновременно: всё как целое. Есть нечто, где собрано все в одно — это бытие, которое держится мыслью, умом, т. к. только в нем все может держаться как одно. Третий тезис: о координатах синергетического поля существования человека, который по природе стремится быть разомкнутым ко всему. Четвертый тезис стал предметом наиболее ожесточенного спора Биbihина и Хоружего. Спор заключался в вопросе о понимании сущности и энергии. Как замечает А. В. Ахутин, Аристотель на этом месте говорит, что «необходимо остановиться». Если мы ищем первое начало — того, кто стремится, и того, к чему стремится, — то и там, и там надо остановиться, иначе мы уйдем в бесконечность; однако такое требование возвращает энергетическую онтологию к субстанционализму. Человек, открытый всему, как его душа, которая некоторым образом есть все, сам в этой душе есть некоторым образом ничто. Но Аристотель призывает остановиться, т. к. ум человеческий есть аналог материи, а человек — лишь восприимчик. Человеческий ум — ум возможности, т. е. все, умом же утвержденное, есть то, которое нас влечет. Энергия влечения же зависит от того, каким образом мы помыслили это влекущее. Это, собственно, и есть самое спорное место в полемике между Биbihиным и Хоружим: для первого важна энергия покоя, которая «намного мощнее любой другой энергии», для второго же — энергия разомкнутости, незаконченности.

Далее с докладом на тему «Мысль в начале: Биbihин» выступила С. С. НЕРЕТИНА (сектор философских проблем социальных и гуманитарных наук ИФ РАН, Москва). В своем докладе она в духе августинизма показывает, как желание схватить начало мысли Биbihина связано с неуловимым моментом времени как такового. С. С. Неретина делает акцент на уникальном методе Биbihина: тот всегда через разговор с другими говорит с собой. Методологический прием Биbihина — ситуативность, требование внимания к ситуации, происходящей с тобой. Биbihин говорил, что Толстой стоит отдельно от литераторов и от мыслителей тоже, но это же, по мнению докладчика, можно сказать и о нем самом. Его определение человека как силы действующей и больше ничего относится к нему непосредственно; начало мысли Биbihина — ускользает. Но это справедливо относительно любой мысли, ведь если бы было ухвачено начало, нам бы открылся сам смысл, но он остается

скрытым даже для мыслителя. За мыслью его можно не успеть; мысль увязает в неясности и смутности: в этом весь Биbihин. Он ставит вопрос так, чтобы ошеломить и заставить молча задуматься, взглянуться в мысль как обращенную к тебе тайну, участие в которой необходимо для спасения. Мысль имеет смысл только как начало «жизни жизни», она ищет ответ на вопрос, что это такое, каково оно, это таинственное начало... Мысль сама по себе является нерешительной и растерянной, однако усилием воли человеку необходимо вернуться к началу, принять решение о приоритете живого чувства, прийти к идее его первичности. Настоящая мысль, как подчеркнула С. С. НЕРЕТИНА, равна чувству и работает как история чувствования.

Завершающий доклад «„Язык и молчание“ у В. В. Биbihина» представила О. А. СЕДАКОВА (Москва). Символично, что окончание конференции в некотором смысле связало воедино и закольцевало все озвученные ранее смыслы: неоднократно приводя цитаты из лекционного курса «Язык философии», Ольга Седакова напомнила о сокровенном отношении человека и слова, слова и события. Как известно, в 1977 году Биbihин защитил диссертацию на тему «Семантические потенции языкового знака»: и философия языка, и язык философии стали для него ключевыми темами. Честность переводчика связана с тем, чтобы смочь «представить себе предшествовавшее молчание», понять, каково автору было преступить порог молчания, и воскресить этот переход в собственном слове. «Сила текста в том, что вот он есть, хотя его могло бы не быть». Отметив близость Биbihина и Данте, которые рассматривали язык антропологически, определяли человека как того, кто «сразу же заговорил», чей глас вопиет с младенчества, Ольга Александровна напомнила о недооцененных и еще требующих дополнительного исследования работах Биbihина, посвященных детскому лепету и гулению. Лепет, обращенный к хозяину языка, — вовсе не то же, что привычное нагромождение словесных свалок; а человек ведь мог и не заговорить (*Биbihин В. В. Язык философии.* — СПб. : Наука, 2007b. — (Слово о сущем ; 76): 29):

Язык так или иначе не сводится к подбору знаков для вещей. Он начинается с выбора говорить или не говорить. Выбор между молчанием и знаком раньше, чем выбор между знаком и знаком. Слово может быть менее говорящим чем молчание и нуждается в обеспечении этим последним. Молчание необходимый фон слова. Человеческой речи в отличие от голосов животных могло не быть. Птица не может не петь в мае. Человек мог и не заговорить. Текст соткан утком слова по основе молчания.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Представленный обзор, разумеется, не может ни передать все детали и мыслительные ходы, ни осветить все те любопытные дискуссии, которые разворачивались после докладов. И все же этот текст может служить некоторым подспорьем для развития дальнейших исследований позднесоветского и современного интеллектуального ландшафта России. Этот ландшафт, эти мыслители, безусловно, заслуживают озвученного. Наследие и Биbihина, и Хоружего, и многих их современников представляет собой не «невыработанную золотую жилу» для историков философии, но кое-что гораздо более ценное для философов, друзей мудрости — настоящий «философский камень». Стоит попытаться представить себе философию в качестве амехании *par excellence* как практики «саморазбора» и самоотмены, как вдруг открывается захватывающая перспектива движений мысли, ее энергии. Превращение бесценного в драгоценное и обратно (отсюда — пресловутая подлинная «нищета», о которой писал Биbihин), весомость слова, уступающая место царственному молчанию, всегда ответственное и никогда не окончательное решение — вот те «техники мысли», которые были щедро предоставлены всем нам взаимы. Хочется верить, что Биbihинские чтения станут славной традицией, быть может, даже своего рода «алхимической лабораторией», в которой воспоминания и мысли учителей и учеников будут совершенно амеханически преображать саму технику нашего мышления и пусть лишь на некоторое время, но всё-таки обогащать нас новыми настоящими смыслами.

Tomashevskaya, A. A., and Ye. I. Khan. 2021. "Vtoryye Bibikhinskiye chteniya: refleksiya o so-bytii [Second Readings in Memory of V. Bibikhin: Reflection of the Event]: obzor mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [International Scientific Conference]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (1), 265–280.

ANASTASIYA TOMASHEVSKAYA

BA STUDENT

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0003-1100-0308

KATE KHAN

PHD STUDENT

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);

ASSISTANT

RUDN UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-2606-1050

SECOND READINGS IN MEMORY OF V. BIBIKHIN:

REFLECTION OF THE EVENT

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-267-280.